

ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ

САМОЛЕТ ИДЕТ БЕЗ ОПОЗДАНИЯ

РАССКАЗ

Главный бухгалтер еще не успел надеть нарукавники, когда его вызвал министр. «Неужели я что-нибудь напутал в документах?» — встревоженно подумал он. Эти документы, необходимые министру для поездки в одну из молодых африканских республик, главный бухгалтер готовил сам, не доверяя, вопреки своему обыкновению, ни заместителю, ни, тем более, молодым сотрудницам из планового отдела. Вчера он просидел над чисто перепечатанными листами до двух часов ночи, теперь вот пришел на работу усталый и не выспавшийся, и его вызывает министр.

Переступив порог кабинета, где от толстых китайских ковров и тяжелой мебели было глухо, словно в студии звукозаписи, главный бухгалтер не прошел к столу, а остановился около дверей, даже чуть в стороне от них, чтобы не мешать, если кто-нибудь войдет еще. Министр поднял голову от бумаг, в которых главный бухгалтер узнал свою работу, сказал: «Доброе утро, Павел Андреевич, садитесь, пожалуйста, сюда», — и торопливым жестом показал на кресло возле стола.

Кресло было мягкое и такое глубокое, что бухгалтеру пришлось почти висеть на локтях, чтобы сохранить необходимую в таком случае позу, выражающую внимание.

— Павел Андреевич, дорогой, — начал министр почти просящим тоном, — я знаю, как вы устали, но у меня нет выхода, уж вы простите меня.

Павел Андреевич неловко

пошевелился в кресле, качнув одновременно головой и рукой, как бы говоря, что все слова теперь не имеют значения, и надо переходить к делу. За долгие годы, проведенные в стенах центральных учреждений, он выработал в себе сознание, что начальство неправым не бывает и что если оно извиняется перед тобой, так только для того, чтобы ты потом еще усерднее трудился.

— Документы, по-моему, в полном порядке, — сказал министр уже другим, строгим и деловым голосом, — но кое-что мне не совсем ясно. Самолет должен отправиться в одиннадцать, но погода неважная, он может и задержаться. Как бы там ни было, на аэродроме надо быть вовремя на всякий случай. Так вот, я прошу вас поехать со мной, чтобы на месте уточнить это самое «кое-что». Предупредите заместителя, что уходите на весь день: с аэродрома отправитесь отдыхать...

Гул самолетов наполнял низкие просторы серого неба над Шереметьево, но в здании вокзала было совсем тихо. Министр и Павел Андреевич поднялись на второй этаж, сдали пальто и шляпы предупредительному гардеробщику и прошли в ресторан, в центре которого за раздвинутым столом уже сидела группа, летевшая вместе с министром.

Поздоровавшись и извинившись, министр направился к угловому маленькому столику, где, как он полагал, никто не помешает им работать.

— Садитесь, Павел Андреевич, — снова пригласил министр, открывая портфель и одновременно подзывая официанта.

— Будьте добры, — сказал он, когда седоватый и грузный официант приготовился записывать, — принесите нам два бифштекса и четыре пива.

— Мне ничего не надо, — запротестовал Павел Андреевич, но министр только отмахнулся от него.

— Бифштексы с яичком или с луком желаете? — спросил официант.

— С луком, пожалуйста, — сказал министр и посмотрел на Павла Андреевича, дескать, так или нет, Павел Андреевич кивнул головой. Совсем непривычно ему было не только завтракать с министром, но еще и советовать ему что-либо.

— Будет исполнено, — сказал официант и поинтересовался:

— Каким рейсом летите?

— Восемьдесят третьим, — сказал министр.

— Через сорок-пять минут, значит, — сказал официант, взглянув на свою толстую и волосатую руку, где примостились маленькие часики с эластичным браслетом.

— Ну, может, опоздаем еще, — сказал министр, — погода-то...

— Самолет идет без опоздания, — непочтительно перебил его официант, — извините, пойду распоряжусь...

— Павел Андреевич, — сказал министр, — давайте посмотрим вот это.

И он развернул бумаги на тесном пространстве между бокалами и тарелочками...

Неясности оказались пустяковыми, так что, когда объявили посадку, они были решены, бифштексы съедены, а пиво выпито. От пива и от бессонной ночи в голове Павла Андреевича приятно зашумело, и он неожиданно подумал, что совсем неплохо было бы полететь вместе с министром в эту далекую африканскую республику, увидеть новые города под ослепительным южным солнцем, деревья и животных, о которых он в детстве читал в учебниках географии, а теперь — в политических обозрениях газет. Он почти обрадовался, когда министр, не позволив ему участвовать в расплате, сказал, поднимаясь:

— Пойдемте, Павел Андреевич, а то опоздаем.

Словно ребенку, ему стало приятно, что официант, получавший деньги и слушавший разговор, мог подумать, что и он, Павел Андреевич, летит тоже. Незаметно же по его внешнему виду, что он всего лишь бухгалтер, пускай даже главный, и что в далеких странах поэтому ему делать нечего.

Официант, видимо, так и думал, он улыбнулся им, сказал: «Счастливого полета. Вернетесь — заходите снова». Министр сказал: «Спасибо, обязательно». И Павел Андреевич тоже кивнул головой в знак благодарности и согласия.

Они торопливо оделись и спустились вниз, а там попрощались: министр пошел в зал, где нетерпеливая стюардесса в кокетливой пилотке уже высматривала его, а Павел Андреевич — на улицу.

Низкое небо по-прежнему плотно облегало недалний лес и дальний горизонт. Срывался легкий снежок. Гул тяжелых самолетов здесь был слышен очень сильно, от него чуть подрагивала земля под ногами и, казалось, вибрировали даже снежинки. Павел Андреевич повернул влево и мимо багажного отделения чуть ли не боком — он поймал себя на стыдной мысли, что не хочет, чтобы его увидел на окна ресторана давешний официант, — вышел на дорогу, ведущую в Москву. Прошагав по ней километра полтора, он остановился на взгорке.

Отсюда хорошо было видно здание аэровокзала и взлетная полоса. Гул турбин становился все сильнее, раскатываясь, подобно грому, по всей долине, и тут же Павел Андреевич увидел сотни раз знакомый по фотографиям, знаменитый лайнер, со скошенными назад крыльями, подобно рукам у прыгуна в воду, когда он летит «ласточкой». Лайнер все набирал скорость, а потом, совсем незаметно для глаза, оторвался от бетона, заревел еще громче и вскоре исчез в низких тучах. Возможно, это был и не тот лайнер, на котором улетел министр, но

Павел Андреевич решил, что тот, и, дождавшись автобуса, шедшего в город, поднял руку...

Ощущение праздничности не покидался Павла Андреевича весь этот день и даже на следующее утро. Он словно продолжал с самим собой ту невольню начатую на аэродроме игру, благодаря которой на какое-то время почувствовал себя в полете. Детская мечта, о далеких странствиях проснулась в нем, и, стыдясь высказать ее вслух, он радовался, что она все-таки есть. Он утешал себя тем, что ничего плохого в этом нет и что грезы его вовсе невинны и работе не мешают.

В обеденный перерыв он пошел в библиотеку и попросил у сухонькой седой заведующей с древней аристократической фамилией, какую-нибудь книжку об Африке.

— Вам социального плана? — спросила, заведующая, ничуть не удивившись, вопреки ожиданиям Павла Андреевича, неожиданному для главного бухгалтера заказу.

— Да, да, — торопливо сказал Павел Андреевич, — социального, да, да... И еще, если можно, что-нибудь о природе.

— Отчего же нельзя, пожалуйста, — сказала заведующая и, прямая не по годам, прошла в соседнее помещение к стеллажам. Вскоре она вернулась, неся в руках две книги, на обложке одной из них был нарисован негр, в титаническом усилии рвущий цепи, на другой — лев с неправдоподобной гривой, добродушно глянувший прямо в глаза Павлу Андреевичу.

— Эти подойдут? — спросила заведующая, строго глянув поверх золотистых очков.

— Да, да, конечно, спасибо большое, до свидания...

Прошел месяц. За это время Павел Андреевич прочитал необычное для него количество книг, и все об Африке, так что под конец, если книги не врут, он знал об этой стране ничуть не меньше тех, кто там бывал, а то и больше некоторых, потому что ему помогало воображение, чего

нельзя было сказать об иных авторах. Их книги порой даже раздражали Павла Андреевича. «Черт бы их побрал, — сердито думал он, закрывая последнюю страницу, — словно ничего, кроме жары и его персоны и нет в Африке. Удивительно просто! Бездарность...» И он громко бросал сочинение на стол, чтобы уже не прикасаться к нему.

Однажды он подумал, что неплохо было бы полететь еще куда-нибудь. Он долго думал куда, но так и не придумал и решил, что лучше всего поехать на аэродром и там решить. Собственно, поездка на аэродром стала его постоянным и тайным желанием с того дня, как он проводил министра. Он не мог забыть того праздничного и немного тревожного состояния, с которым слушал гул турбин, сидя в уютном ресторанчике и, немного позже, стоя на взгорке. Он так и видел перед глазами многочисленных, нарядно одетых людей, небрежно и чуточку лениво поднимающихся из-за столов, едва объявят посадку на самолет, идущий то в Лондон, то в Париж, а то и на острова Зеленого мыса, от одного названия которых в душе Павла Андреевича просыпалось горделивое чувство: вот куда теперь летаем! Пусть не я, но наши люди, россияне!

Он видел, как пассажиры спускались по лестнице, а потом коротко переговаривались у выхода на перрон, держа в руках чемоданы с яркими наклейками авиационных компаний. Он решил, что не будет беды, если посмотреть на это еще раз.

Следующий после полочки день был воскресенье, и, побрившись с утра, он сказал жене как можно естественнее:

— Ты бы хоть костюм погладила, что ли.

— Какой? — удивилась жена. За последние годы она совсем отвыкла, чтобы муж обращался к ней с подобной просьбой. Даже в те редкие дни, когда они собирались в театр и она начинала хлопотать вокруг утюга, он, не отрываясь от газеты, недовольно бурчал: «Зачем все это надо? В театр люди ходят смотреть спектакль, а не себя, показывать...»

— Ну, новый мой, выходной.

— А что ты с ним будешь делать?

— Надену и пойду погуляю.

— Если к своим преферансистам, то и без нового костюма хорош будешь, а мне некогда — обед надо готовить.

— Папочка, не беспокойся, я тебе поглажу, — сказала дочь. — Все равно мне тоже уют нужен.

— Спасибо, дочка, — сказал Павел Андреевич и поцеловал ее в лоб, — только ты меня понимаешь.

Сын, иронически наблюдавший эту сцену с кушетки, на которой ожидал телефонного звонка, пробасил:

— Классическая ситуация: отсталая жена не понимает передовых устремлений мужа. Намечается конфликт. А во всем виноваты книги. Слишком много ты стал читать в последнее время отец. И выбор какой-то странный...

— Что же в нем странного? — сказал Павел Андреевич. — Наше министерство причастно к вопросам помощи новым республикам, а я, как никак, главный бухгалтер. Надо знать, с кем имеем дело.

— Да, да, так же иронически произнес сын. Павел Андреевич сердито фыркнул.

— Заткнись, Алешка, — сказала дочь и, повернувшись к отцу, добавила: — Дай-ка я тебе галстук модным узлом завяжу...

Аэродром встретил его такой же размеренной и четкой жизнью, что и в прошлый раз. Только турбины самолетов ревели немного глуше: была зима и кругом навалило снега, — звуки налетали и вязли в нем.

Павел Андреевич разделся в гардеробное наверху, спустился вниз, посмотрел расписание. Удобнее всего казался самолет на Будапешт: он уходил через полтора часа, вполне достаточно, чтобы посидеть, выпить пива и посмотреть на отлетающих. Подойдя к телевизионной установке в центре зала, он нажал кнопку и, когда на экране появилась миловидная девушка с высокой модной прической, спросил деловито:

— Самолет на Будапешт не

опаздывает?

— Пойдет по расписанию, — ответила девушка, и экран погас.

— Благодарю вас, — по инерции сказал Павел Андреевич и направился в ресторан.

Он сел за тот же угловой столик, и почти тотчас к нему подошел официант — тот самый, который обслуживал их с министром месяц назад. Павел Андреевич смутился: он как-то не подумал о нем в своей игре. Вся надежда теперь на то, что официант не узнает его, — мало ли тут летает народу.

Надежда лопнула тут же.

— Добрый день, — сказал официант, — а я вас узнал. Снова летите?

— Здравствуйте. Да вот... Так получается...

— Время наступило, а? Мир тесен и близок. Если не ошибаюсь, в прошлый раз вы в Конакри летели?

13

— Да, да, — сказал Павел Андреевич, мучительно думая, как теперь ему выпутаться из глупого положения, которое было тем глупее, что он сам в него попал. Одно дело, когда о его игре никто не знает, и совсем другое, когда кто-нибудь влезет в нее и ничего не поймет. Это уже стыдно.

Но официант, кажется, ничего не заметил. Да и то сказать: мир действительно тесен. Вполне возможно, что кто-то и летает так часто.

— Что прикажете заказать?

— Бифштекс и два пива.

— Бифштекс с луком прикажете, или...

— С луком.

— Хорошо. Сейчас закажем.

Разговаривая, Павел Андреевич смотрел вниз, на меню, и как ни заставлял себя поднять лицо, сделать этого не мог. Голос его, тоже помимо желания, был униженно просящим и тихим, настолько, что официанту приходилось нагибаться и переспрашивать. Не видел Павел Андреевич и того, как внимательно присматривался к нему официант и, казалось, начинал понимать что-то.

Некоторое время, уже сдав заказ, официант стоял неподалеку и наблюдал за посетителем своими глубокими и умными глазами. Потом подошел и, переставляя без видимой нужды бокалы, спросил тоном, каким спрашивают люди, привычные к подобным вопросам:

— Ну, как там, в Африке?

— Да ничего,— сказал Павел Андреевич,— чтобы хоть что-то сказать. — Жарко...

— Да, температура там не наша, — подхватил официант, — а под пальмами тени мало. Зато купанье там хорошее. Вы купались в океане?

— Купался, — сказал Павел Андреевич, все больше сердясь на его назойливость и от этого становясь смелее.

— Хорошая там вода, теплая, — с чуть заметной грустинкой сказал официант. — Горячие камни, на которых можно лежать часами, и свежие бананы на третьем за обедом...

— Вы там были? — спросил Павел Андреевич, удивленный естественным тоном собеседника, и впервые глянул ему в глаза.

— Не всю жизнь я официантом работал,—неопределенно ответил тот и заторопился, —бифштекс ваш готов, наверное. Сейчас принесу.

А когда принес бифштекс, сипящий от жира и жара, и открыл холодное пиво, снова не ушел сразу, а спросил:

— Куда сегодня летите?

В Будапешт, — сказал Павел Андреевич, уткнувшись в сковородку. Ему снова стало неловко. Пожалуй, он уже не рад было тому, что поддался игре настолько.

— Венгрия, — задумчиво сказал официант. — Сероватые волны Дуная, каштаны на теплых и светлых улицах, озеро Балатон с песчаными берегами и белыми яхтами...

— Вы там были? — опять спросил Павел Андреевич.

Снова они встретились глазами и Павел Андреевич увидел, как что-то тронулось в лице официанта, словно разгладились морщины и помолодели

глаза от одного прикосновения к тайным и счастливым мыслям. И в ту же минуту он понял, что его собственная маленькая тайна больше не существует для этого человека, и что от того она не исчезла, но что в игре теперь их двое. Он улыбнулся разоружаясь, и официант улыбнулся ему понимающе и сказал:

— Был. Конечно был. И, знаете, приходите сюда еще. Придете, а?

Павел Андреевич кивнул головой и достал деньги, чтобы расплатиться: по радио объявили посадку на самолет, отправляющийся рейсом на Будапешт. Пассажиров просили пройти к выходу на перрон.

— Счастливого полета, — сказал официант и пожал Павлу Андреевичу руку. — Заходите обязательно. И садитесь за мой столик...

В этот раз Павел Андреевич на взгорке стоял недолго. Погода изменилась, пока он сидел в ресторане: тучи разошлись, оставив только зыбкие волокна на синем и холодном небе. Воздух стал прозрачным и сухим от мороза. Порывистый ветер, налетавший от высокой стены прозрачного леса, приятной бодростью окатывал лицо, руки и шею, заползал за воротник тяжелого зимнего пальто. Когда лайнер понесся по белой дорожке на взлет, Павел Андреевич видел даже снежную пыль за ним, тускло отсвечивающую в неярких лучах зимнего солнца.

Домой он вернулся рано, но детей уже не было: ушли по своим необъяснимым делам. Жена причесывала у зеркала поредевшие с годами волосы, повязала пестрой дочернее косынкой и сказала, направляясь в кухню:

— Садись. Сейчас обед подам.

— Не надо, — сказал Павел Андреевич.— Я уже пообедал.

— Где это ты успел?

— Да так, в одном месте... В закускойной.

Жена остановилась перед ним. «Что это с ним делается в последнее время? — подумала она. — То и дело бреется, да начищается, да веселый ходит. Сегодня вон, костюм ему выходной

подавай, да Ирка еще и галстук помодному завязала ему. Прямо жених... А мо-жет, и впрямь вдовушку молодую завел? Мужики — темный народ, никогда не знаешь, что они придумают».

От этой мысли ее даже в жар бросило, и она осмотрела мужа с ног до головы. Еще не старый, хоть и седой. Костюм сидит ладно, белая рубашечка, лицо мужественное и смуглое, не смотри, что в кабинете работает. Такие бабам нравятся...

— Влюбился ты, что ли?

— Может, и влюбился, — сказал Павел Андреевич, отрываясь от газеты и глядя на нее весело.

— Дети уже взрослые, — неуверенно сказала жена.

— Тем более, — сказал Павел Андреевич, привлекая ее к себе, и рассмеялся. — Молодым был — не бегал, а теперь и поздно, пожалуй... А знаешь что? Пойдем-ка с тобой в кино, а? Сто лет не были.

— Ну, какое теперь кино, — сказала она, успокаиваясь. — Билетов не достать — воскресенье ведь.

— Достанем. С рук купим. Всегда есть такие, знаешь, кто билеты купил, а идти не может почему-либо... И они ушли.

В месяц один раз Павел Андреевич ездил на аэродром. Теперь он наизусть знал расписание рейсовых самолетов и готовился к «полету» основательно: читал самые разные книги о городах страны, облюбованной им для очередного путешествия, о ее людях, языке, обычаях и политическом строе, хотя, говоря честно, последнее обстоятельство тревожило его меньше всего: он не собирался там вступать с кем бы то ни было в официальные отношения. Странно и необычно исполнялась его давняя мечта. Он понимал, что ему, бухгалтеру, равно как и Дмитрию Васильевичу — так звали официанта, с которым он сдружился довольно тесно, — нечего и думать о действительных дальних путешествиях, по крайней мере при нынешнем положении вещей. Но совсем отказаться от исполнения мечты он никогда не мог, а

тем более теперь, когда так забавно подарен ему внешний реквизит путешествий: гул самолетов, спокойный голос дикторов, говорящих на самых разных языках, легкая и тревожная жизнь настоящих пассажиров, поднимающихся с ярких кресел-модерн по сигналу из репродукторов... Даже товарищ по странствиям был у него — Дмитрий Васильевич. Правда, они никогда не летали вместе. Так было лучше. Обычно Дмитрий Васильевич называемые Павлом Андреевичем места посещал несколько раньше, поэтому и мог советовать кое-что полезное своему новому другу.

— Куда летим сегодня? — спрашивал он, едва Павел Андреевич занимал привычное место за угловым столиком.

— В Лондон, — говорил Павел Андреевич.

— О, сейчас там время туманов. Не совсем приятная, скажу я вам, штука. Город не проветривается, газы от автомобилей, дышать тяжело... Но может, вам и повезет, и погода будет хорошая...

— Надеюсь, повезет, — говорил Павел Андреевич.

— Если попадете в Плимут, — посмотрите знаменитую портовую лестницу. Ей несколько веков. Приятно, знаете, подниматься по старым, выщербленным дождями плитам, а потом, сверху, смотреть на порт и корабли, пришедшие с океана.

— Стоя под памятником Дрейку?

— Вот, вот, — соглашался Дмитрий Васильевич. — Странная манера — ставить памятник пиратам... Вам, как всегда, — бифштекс с луком и два пива?..

С тех пор, как у Павла Андреевича появилась эта новая жизнь, он заметно переменялся. Стал сдержаннее и энергичнее. Работа ладилась, как всегда, но отношения среди сотрудников стали лучше — душевнее, что ли. Как никогда прежде, Павел Андреевич начал следить за своим внешним видом, и сотрудники, особенно молодые, просто поражались безукоризненной белизне его воротничков и манжет, ярко начищенным туфлям то легкому запаху шипра, который ощущал

каждый, кто в течение дня заходил в кабинет главного бухгалтера. Даже обычные сатиновые нарукавники, эта некрасивая необходимость, выглядели у Павла Андреевича изящней, чем у многих. Он и за сотрудниками стал следить внимательнее.

— Что это, дорогой мой, костюм у вас какой-то жеваный? — спросил он однажды своего заместителя.

Заместитель, маленький, сытый человек с круглым, удивительно напоминающим кошачье, лицом, обиделся:

— Всегда такой ношу, Павел Андреевич, что ж тут особенного?

— И очень плохо, что всегда. Я прошу вас, проглаживайте его хотя бы раз в неделю, а? У нас ведь молодежи много, что они о нас с вами думать будут — старые, мол, мешки.

— На работе полагается думать о работе, — буркнул заместитель.

— Все это верно, — вздохнул Павел Андреевич, — и все же, я прошу вас, приведите себя в порядок.

Заместитель пожал плечами, нервно дернул белесыми бровями и, дождавшись подписанных бумаг, молча вышел из кабинета.

Зато молодежи перемены в главном нравились откровенно.

— В вас, Павел Андреевич, прямо влюбиться можно, — сказала однажды Зиночка из планового отдела, хорошенькая и смешливая девчонка. Разговор был после короткого утреннего совещания, и сотрудники даже притихли на минуту, ожидая недовольной реплики главного на необычную дерзость Зиночки.

— Ничего нет невозможного, — неожиданно просто сказал главный. — В молодости я чемпионом по плаванию был в институте, — добавил он непонятно и сам удивился, что вспомнил столь далекие времена. Все облегченно засмеялись, а кто-то тут же предложил создать секцию — если не плавания, то хоть волейбола, и устроить матч дружбы между стариками и молодыми.

— С удовольствием! — сказал Павел Андреевич.

Он так свыкся со своей второй жизнью, что почти верил в придуманное. «В конце концов, — рассуждал он, — чем книги, кино и радио, дополненные хорошей долей воображения, хуже самого путешествия? Иного слушаешь, как он ездил за границу и что там видел, и не веришь, что он действительно был там, пока визу в паспорте не покажет, — до того бедно и однообразно рассказывает. В Греции он пил мастику, а в Италии кьянто. Этим и различаются для него страны. Каждый видит, что умеет видеть. Человек, живущий без праздника в сердце, не обрадуется и настоящему празднику. А я, по крайней мере, ловил трепангов с китайских джонок, смотрел, как хороший спектакль, процессию в честь святых Марий мореплавательниц в Камарге, купался в розовой от коралловых рифов воде залива на Гавайских островах и слушал странные, древние песни жителей острова Пасхи. Что может быть прекраснее воображения, рожденного человеческим желанием?..»

Проходили месяцы. Летом Павел Андреевич с женой уехал отдыхать в Крым. Странно, что он был тут однажды и совсем не заметил этой изумительной красоты моря, в сочетании с пустынным и выжженным солнцем берегом у Мертвой бухты в Коктебеле, теплоты и наполненности живым, почти человеческим смыслом, в окружающих холмах и лесных полянах на Кара-Даге. После того, как молодой паренек, живший в соседней комнате маленького пансионатского домика, показал ему дорогу к Сердоликовым бухтам, Павел Андреевич слишком часто, на взгляд жены, одевал легкий спортивный костюм и отправлялся в долгий путь через целую цепь Лягушачьих бухт, с их крупной галькой, непрерывно картавящей в водовороте прозрачных накатов, к огромной скале, выпирающей в море и преграждающей дальнейший путь. Там он раздевался до плавок, прятал в расселину рубашку-разлетайку и сатиновые брюки и, выждав, когда отхлынет волна, бросался вслед за ней и плыл прямо в море. Потом он поворачивал вправо, огибал на приличном

расстоянии скалу и заплывал в первую, более остальных любимую им Сердоликовую. Здесь было тихо и тепло даже в прохладный день, что случалось редко. Он проплывал еще метров сто по направлению к берегу и тут, вытянув руки и ноги, на низкой спине волны, накатываясь на плоскую и широкую скалу, поросшую мохом таким мелким и плотным, какой бывает декоративная трава на городских газонах. Но трава не могла соперничать с этим мохом ни свежестью, ни естественностью.

Мелкие волны накатывались на скалу и оплывали с нее, а Павел Андреевич ложился на спину и долго смотрел в глубокое синее небо, наслаждаясь, одиночеством и открывая для себя с каждой новой секундой новую красоту вокруг...

Вернувшись в Москву, он еще некоторое время не мог поехать на аэродром за многочисленными делами, неожиданно свалившимися на него, а когда, наконец, приехал, в Подмоскowie уже стояла золотая осень, и прелесть ее, наполненная терпкими запахами увядающих трав и листьев, шорохом деревьев и плавным полетом белой паутины, тоже совсем по-новому поразила и обрадовала его.

Обрадовался он и Дмитрию Васильевичу, который встретил его радостными восклицаниями и шутивными укорами, относящимися к весьма неопределенной в их отношениях категории зазнайства. Когда кончились первые, чуточку бестолковые вопросы и ответы, Дмитрий Васильевич, улыбаясь, сказал:

— Ну, куда летим сегодня?

— В Гавану, Дмитрий Васильевич, в Гавану.

— Прекрасная страна. Не забудьте побывать в доме Хемингуэя.

— Не забуду.

— И половите рыбку в Гольфстриме, да не увлекайтесь, а то занесет вас течение.

— Спасибо, постараюсь не увлекаться.

— Как всегда, — бифштекс с

луком и два пива?

— Нет, дорогой Дмитрий Васильевич, сегодня мы выпьем бутылочку хорошего вина и закусим фруктами.

— Перемена привычек? — понимающе улыбнулся Дмитрий Васильевич.

— Нет, просто потому, что я лечу в Гавану.

— Я понимаю. Теперь вы будете выдерживать стиль той страны, куда отправляетесь.

Крым на вас неплохо действует...

Улыбаясь как-то необычно и радостно, Павел Андреевич положил свою руку на белый рукав служебного кителя Дмитрия Васильевича и сказал:

— Я же вам говорю, дружище: я лечу в Гавану. На самом деле. Самолет отправляется через сорок минут. Вон мои товарищи, за столиком у дверей. Так получилось: на Кубе нужен мой опыт.

Только теперь официант обратил внимание на то, что в дверь ресторана Павел Андреевич вошел не один, видимо, понял что-то и сказал тихо:

— Вот, значит, как.

Еще с минуту он стоял и смотрел, светлея все больше, то на Павла Андреевича, то на группу за первым столиком, потом встрепенулся и непривычно громко прозвучал его голос в торжественной и многолюдной зале:

— Люсенька, подойди-ка сюда!

Юная, в белоснежном переднике, надетом на модное платье, девушка тотчас подошла, грациозно стуча по паркету тоненькими каблучками.

— Люсенька, — сказал Дмитрий Васильевич, — я провожаю друга и потому сегодня уже не буду работать. Ты возьми мои столики и прими у нас заказ.

— Принесите нам вина бутылочку, — начал было Павел Андреевич, но Дмитрий Васильевич перебил его:

— Нет. Сегодня заказываю я. Две бутылки «Гвиши» и два килограмма апельсинов, — сказал Дмитрий Васильевич. — Одну из бутылок не открывай: Павел Андреевич возьмет ее с собой.

Девушка сказала: «Хорошо», улыбнулась Павлу Андреевичу и повернулась, чтобы идти в буфетную.

— И пожалуйста, поскорее, — вслед ей сказал Дмитрий Васильевич, снимая служебный китель и присаживаясь к столу.— Самолет на Гавану идет без опоздания...